

Безрассудного Фэн Мина со связанными за спиной руками охрана храма цзиши ввела в небесно-земной дворец [1]. Рельефы гор послужили основой при воздвижении этого сооружения, лишь ворота в императорский дворец были сделаны человеком; внутри этот дворец был огромен и состоял из нескольких природных карстовых пещер, которые, в свою очередь, примыкали к большим воротам главного зала, поэтому в императорском дворце царили мрачность и сырость. Войдя внутрь, Фэн Мин почувствовал, как в лицо ударил холодный и влажный туман, от холода юноша задрожал всем телом и, вопреки этому, немного очнулся.

Внезапно услышав зловещее известие, Фэн Мин ненадолго лишился рассудка. Равно как тогда, когда попал в Ли, поэтому им завладел страх, однако постепенно юноша привёл в порядок как разум, так и душевное равновесие. И подумал: «Ещё не всё потеряно, были бы горы Циншань, а хворост найдётся [2]. Неважно, впал ли в смуту Силэй, к тому же неужели Жун Тянь из тех императоров, которых так легко свести в могилу? Нельзя ни в коем случае терять боевой дух».

Взяв себя в руки, юноша оглянулся по сторонам: впереди шли толпа цзиши-чудовищ, словно сделанная изо льда, и окружавшие их охранники с холодным выражением лица. Однако, не увидев Лу Даня рядом, Фэн Мин тотчас же осознал, что его положение очень скверное.

При таких обстоятельствах ничего другого не остаётся, кроме как ничего не предпринимать и спокойно наблюдать за изменениями событий.

Миновав передний зал, они оказались в узкой и длинной галерее, где была кромешная тьма, и лишь от света факелов казалось, что стены водонепроницаемые. Чем больше они углублялись, тем ниже становилась температура, и Фэн Мин, который только что покинул отапливаемую повозку и был легко одет, сейчас невольно начал дрожать.

Пройдя галерею, юноша выбрался из мрака к свету: перед глазами оказалась огромная природная карстовая пещера. Запрокинув голову, князь увидел на каменном потолке несколько свисающих книзу сверкающих сталактитов размером с руку, впереди находилось десятиметровое в диаметре горное озеро с необычной очаровательно-изумительной синей водой.

Такой вид под дрожащим светом огня в сочетании с неизвестно откуда доносящейся тихой музыкой, наполненной своеобразным национальным дунфаньским колоритом, и расположенными везде религиозными символами, в которые было вложено немало усилий, заставлял почувствовать, будто человек внезапно оказался в мире духов, и подобное трогательное спокойствие дарило чрезвычайно глубокое тёплое чувство.

В середине озера выступал камень причудливой формы, на котором находилось ярко-зелёное, сделанное из прозрачной яшмы, кольцо.

Фэн Мин неосознанно предположил: «То, вероятно, и есть сокровище Дунфань — небесно-земное кольцо. Не думал, что кое-кто окажется настолько умён, спасибо Жун Тяню, что говорил носить мне его целый год при себе».

Мысли о Жун Тяне вызвали неудержимое беспокойство и резкую боль в груди, а кожу обожгли две слезинки.

Вновь резко закусив нижнюю губу, Фэн Мин рассердился на себя: «Неужели ты не веришь в силы Жун Тяня? Вместо того, чтобы беспокоиться, лучше уж скорее придумай способ сбежать и соединиться с ним».

Даже при таких мыслях слёзы всё же потекли из глаз. «Жун Тянь в добром здравии» и «Жун Тяня постигла беда» — две мысли, борющиеся в голове, убивали хрупкие нервы стойкого Фэн Мина, по кусочкам разрывая их. Сам же юноша всё сильнее и сильнее впивался в нижнюю губу, и вкус крови понемногу заполнил рот.

Цзиши, встав перед этим озером, опустились на колени, набожно служа. Глава цзиши, закрыв глаза, сосредоточенно бормотала себе под нос молитвы, после чего поднялась с земли.

— Как наказать этого человека?

Жестоко толкнув в спину, стража швырнула Фэн Мина к семицветному подолу юбки главы цзиши, да так, что у самого князя закружилась голова и круги поплыли перед глазами. Его уже долгое время держали в плену, однако как бы ни был вреден Лу Дань, он всё равно относился к князю с любезностью. Юноша никак не думал, что подвергнется мучениям со стороны этих старых ведьм, и сейчас, невольно и резко запрокинув голову, недовольно уставился на них.

Крайне набожная цзиши, отвечающая за кару, что предписывала им религия в их храме, проговорила:

— Глава, этот князь Мин оскорбил духов, и хоть его нельзя удушить, то вполне заслуженно в качестве наказания можно подрезать сухожилия как на руках, так и на ногах.

Фэн Мин пришёл в ужас и в душе забранился: «Ты, незамужняя старуха, психопатка? Чуть что, сразу удушить и подрезать сухожилия. С ума сошла от вина, жизнь неинтересна и скучна, а суицид — слишком просто! Неожиданно схватила меня, выдающегося князя Мина, и хочешь излить свой гнев».

Ругаясь, юноша стал быстро прокручивать в голове решения, но, как назло, ни в многочисленных сказках, ни в дорамах так и не находил ни одного способа, который помог бы справиться с этой бесчеловечной ведьмой. От волнения его лицо покрылось потом, однако сам князь не упустил возможность дать отпор и громко проговорил:

— Глава цзиши ни в коем случае не должна так поступать, ведь если Вы навредите мне, тогда могут... тогда могут... — Чёрные как смоль глаза заметались, а Фэн Мин не задумываясь выпалил: — Духи могут сильно разгневаться, и небесно-земной дворец рухнет!

От этих слов проклятия все женщины неожиданно вздрогнули, даже глава цзиши внезапно открыла глаза и уставилась на Фэн Мина.

— Смело! Осмелился проклинать святой дворец!

— Только Вы здесь смелые! — уже высокомерно и самонадеянно проговорил юноша, после чего, собравшись с духом [3], понизив тон и выпятив грудь, грозно добавил: — Этот князь является человеком, которому покровительствуют Небеса, если вы осмелитесь навредить ему, то духи обязательно призовут вас к ответу.

— Как могут почётные духи покровительствовать тебе, такому ничтожному смертному человеку?

Увидев по лицам цзиши, что ему не верят, Фэн Мин подумал, что пора дать волю лжи, ведь если начал, то нужно лгать до конца, и, несколько раз фыркнув, юноша равнодушно сказал:

— Глава цзиши хоть и живёт отшельницей во внутренних покоях дворца, также должна знать, что духи в течение последних лет часто проявляют чудо. Из-за чего фонари из бычьей кожи в столице Бо Лина устремились к небу и поплыли вдаль, из-за чего несколько десятков солдат императора Ли Жо Яня живьем сгорели на берегу реки Оман? Это всё из-за того, что их императоры непочтительно отнеслись к духам, тщетно пытаясь навредить мне, только поэтому Небеса наказали их. Если это не милость Небес, тогда как глава цзиши объяснит, что в Дунфань из года в год рис не растёт, народ голодает, а в Силэй, где всё зависит от меня, каждый год богатый урожай, что почти не помещается в зернохранилище, а народу даруется еда? Грозы и дожди, иней и росы [4] — всё под властью небесных духов. Без милости Неба как бы Силэй получил богатый урожай? — Что же касается того, под чьим господством находился Силэй — под его княжеским или всё же под господством Жун Тяня — конечно же, это был лишь маленький технический вопрос, к которому, естественно, не стоило придирааться в этот ключевой момент.

Глава цзиши, подвергшись его красноречивому [5] крику, наоборот, невольно задумалась.

В те годы в столице Боцзянь в ночное небо внезапно поднялись с надписью «Фэн Мин» странные фонари, заставив императора Силэй лично приехать туда. Об этом уже давно каждый знал.

Большие фонари в безветрие снизу вверх смогли подняться в воздух, это действительно было неожиданно и неслыханно. Из-за этого государь даже призвал главу цзиши, чтобы она провела одну большую хвалебную церемонию.

Своей победой в войне, что произошла на реке Оман, император Силэй заставил каждого забеспокоиться, ведь такую ужасающую военную стратегию без духовного озарения разве простой человек смог бы придумать?

За причинённые этому князю Мину из Силэй страдания Боцзянь и Ли понесли жестокое наказание. Неужели ему действительно покровительствуют небесные духи?

Подумав об этом, толпа цзиши постепенно поменялась в лице, направив, все как один, взгляды на Фэн Мина.

— Если человек, которому покровительствуют небесные духи, вступит на святую землю, то духи должны это показать, с сегодняшнего дня мы будем ждать их ответа у святого озера. — Безразлично посмотрев на юношу, глава цзиши добавила: — Если через три дня духи не дадут ответа, ты тотчас же станешь преступником, так как проклинать святой дворец — преступление, и в наказание тебя удушат, даже государь не сможет помиловать. Эй, стража, запереть его в подземной тюрьме и строго охранять.

То есть ещё три дня, чтобы попытаться сбежать. Перед глазами проскользнул критический момент, и Фэн Мин вздохнул с облегчением. Охрана, грубо подняв юношу с земли, потянула его к тёмным ступеням, что были сзади.

Бах! И Фэн Мина втокнули в сырую каменную комнату, и решётчатая деревянная дверь за ним плотно закрылась.

Связанные руки, перед тем как втолкнуть князя в тюрьму, развязали. Фэн Мин осмотрел «апартаменты», в которых оказался: там не было ни окон, ни постели, ни печи, ничего, кроме лежащей на влажной земле, полусухой, пахнущей гнилью, рисовой соломы.

В камеру сквозь решётчатую деревянную дверь пробивался тусклый свет, исходящий от маленькой масляной лампы, которая горела в коридоре.

Можно было считать это самыми худшими условиями, с которыми столкнулся Фэн Мин с тех пор, как попал в этот мир.

Примечания:

[1] Возможно, это отсылка к существующему Храму Неба (Тяньтань), где соединяются Небо и Земля. Строение, которое воздвигалось в 1420 году династии Мин, изначально носило название Храма Неба и Земли.

[2] Обр.: ещё не всё потеряно.

[3] В оригинале фраза звучит как «отвердив кожу головы», обр.: с упорством; скрепя сердце; через не хочу, заставляя себя.

[4] Образно о непогоде.

[5] В оригинале фраза звучит как «из уст словно река изливается», обр. в знач.: красноречивый, велеречивый.

<http://bllate.org/book/13377/1190141>